

Не успел он выкрикнуть и половину фразы, как прохожие уже начали оборачиваться. Две девушки, похожие на старшеклассниц, даже не сдержались и фыркнули ему в ответ.

Он был пьян — по крайней мере, так ему казалось, а значит, имел полное право злиться. Даже если бы приехала полиция, он мог бы сказать, что был пьян.

Поэтому он уставился на тех двух девушек и, считая себя страшным, проревел:

— На что уставились? Красиво? Разве вас не учили, что такое вежливость? Не учили, что человек ценится выше скота именно благодаря соблюдению ритуалов?

Девушки перешли от лёгкого смешка к громкому хохоту. Ша Ли тоже усмехнулся и, не желая больше с ними связываться, заковылял в сторону своего жилья.

Какую роль играет начальник отдела...

Кого он будет покрывать...

Или воспользуется случаем, чтобы подсидеть...

Когда же наконец день зарплаты...

Бормоча про себя, он поднялся по лестнице. Этот старый район скоро снесут из-за городского строительства и развития, чтобы возвести более новые, высокие и современные здания.

То, что он здесь жил, вообще-то было заслугой того многословного директора Мо. Иначе господин Цзян, застройщик, ни за что не сдал бы ему жильё дёшево, пусть даже оно простаивало.

Говорят, вся эта территория уже выкуплена их компанией. Некоторые участки не разрабатывают просто потому, что ждут, пока цена поднимется ещё выше.

Ша Ли дошёл до двери, достал ключи и открыл. Только дрожащей рукой вставил ключ в замочную скважину, как почувствовал сзади тепло. Ему показалось, что его обняли, но опьянение лишь усилилось.

Сзади действительно протянулась рука с полотенцем, которое прижали к его лицу. От полотенца шёл отвратительный запах...

Такой запах...

Он не успел даже подобрать слово, чтобы описать этот запах с полотенца, как глаза сами закрылись, и он рухнул.

.....

Это был будто долгий сон. Во сне Ша Ли чувствовал, как его избивают, вымещая злость, но вокруг было слишком темно. Он мучительно пытался вырваться, но не мог увернуться.

— Мам, пап, спасите меня!

Сколько уже лет он не просил родителей о помощи?

С десяти лет он начал бунтовать, а позже, поняв, как тяжело родителям, стал меняться. За

свои двадцать один год он, кажется, ни разу не кричал, чтобы мама с папой что-то для него сделали.

Еду, питьё и всё необходимое они обеспечивали и без просьб, но учиться, стараться — обязательно!

Они велели ему не смотреть на девочек, говорили, что они страшные: вот одна избила мальчика, другая украла что-то в супермаркете и попалась, у третьей в грязных косах завелись вши...

Чтобы он сосредоточился на учёбе, мама постоянно наговаривала на девочек, но вся эта злоба не помогла ему поступить в хороший университет.

А в университете мама вдруг заговорила:

— Найди себе девочку, можно встречаться, если понравится — приводи домой...

А он хотел привести домой мужчину. Высокого, красивого, с тонкой талией, длинными ногами и неспособного рожать мужчину...

Мама...

Ша Ли резко сел, весь в поту, будто его окатили несколькими вёдрами воды.

— Очнулся? — Лю Цзы держал шприц без иглы объёмом миллилитров на двести, заполненный прозрачной жидкостью. Увидев, что тот пришёл в себя, прямо протянул ему шприц.

В комнате было ещё несколько человек. Ша Ли попытался выпрямить шею и посчитать, но голова болела, будто на неё давил мешок риса в сотню цзиней, а в животе всё скрутило и заныло. Он повернулся на бок, и как раз вовремя — Лю Цзы поднёс ему ведро для мусора, и его вырвало.

— Бле...

Ему было совсем плохо.

— Может, всё-таки в больницу? — подошёл один человек.

Ша Ли искоса взглянул — в полицейской форме. От этого движения шеей дёрнулось что-то ещё, и снова полилось, слёзы даже выступили на глазах...

Вокруг стоял кислый запах желудочного содержимого, смешанного с алкоголем.

После того как его вырвало, Лю Цзы накрыл его лицо холодным полотенцем.

От холода он немного протрезвел. Ша Ли, полулёжа на краю кровати, разглядел в комнате двух полицейских и Лю Цзы.

Комната была маленькой, несколько человек заполнили её полностью. К счастью, кондиционер работал, и было не слишком жарко. Полицейские сели и спросили:

— Дадим показания? Самочувствие позволяет?

Он растерянно посмотрел на Лю Цзы, но тот, взяв ведро, вышел за дверь, оставив ему лишь

спину.

— Не бойся, тебя оглушили наркотиком, как раз этот Лю Цзы пришёл тебе что-то принести и задержал человека. Как себя чувствуешь, больно?

Ша Ли никогда не сидел так близко к полицейским. Он нервно потер руки:

— Н-не очень больно.

В комнате было двое: один задавал вопросы, другой записывал. Рядом стоял прибор для фиксации, направленный на них. Ша Ли посмотрел на чёрный аппарат и невольно выпрямил плечи.

— Дяденьки полицейские, можно его выключить? Я же на кровати сижу...

Оба не знали, смеяться им или плакать. Тот, кто задавал вопросы, сказал:

— Нельзя, сынок. Дядя выполняет служебные обязанности, всё должно быть справедливо и прозрачно, это будет заархивировано.

Другой, который записывал, добавил:

— Да, дядькам всего по двадцать три года, а тут такой племянник появился...

— Хватит болтать, а то начальство отругает, — повернулся к нему спрашивающий с отеческой улыбкой. — Ладно, сынок, дядя полицейский просто задаст тебе несколько вопросов, говори как есть, не бойся.

...

* * *

Ван Янь на этот раз села окончательно!

Оказалось, вечером она с мужем пришла, чтобы похитить его. Хорошо, что Лю Цзы вовремя подоспел. Ша Ли был так благодарен, что слёзы готовы были хлынуть.

Он задержался в магазине Лю Цзы, настаивая, чтобы тот, благородный и справедливый старший брат, отужинал с ним, и упрашивал разрешить поесть в долг.

Лю Цзы сокрушался:

— Я тебя спасаю, а ещё должен тысячу юаней на твои проделки добавлять?

Ша Ли:

— Когда зарплату получу, верну полторы тысячи.

Лю Цзы:

— Нет уж, у меня честный бизнес, ростовщичеством не занимаюсь.

Тысяча юаней — ощущение, что можно разгуляться!

Он просто взял отгул, сказав, что Ван Янь напугала его до полусмерти и ему нужно прийти в

себя.

Раз уж на зятя братца Хао пожаловались, то там уже свои процедуры, да и Ван Янь уже в участке...

Злодейка... твоё продолжение — предана суду!

С телефона заказал в интернете несколько упаковок презервативов Императорское нулевое ощущение, и неожиданно уже на следующий день в обед их доставили. Ша Ли, лёжа на кровати, радостно потряхивал серебристой коробкой, разглядывая мелкий шрифт инструкции.

Заодно позвонил своему господину водителю, чтобы искренне пригласить его провести прекрасную ночь.

[Сегодня не получится.]

Мо Фэй был скуп на слова, даже не объяснив, почему не получится.

Ша Ли, недовольный, соврал:

— После сегодняшнего вечера мне будет негде жить, если придёшь сегодня, сэкономим на номере.

[.....]

Ша Ли:

— Я купил несколько упаковок Императорское нулевое ощущение, жду тебя, чтобы вспомнить былые грёзы. Адрес тебе отправил!

Сказав это, он сразу положил трубку и засмеялся, как мышка, стащившая еду. Скучая и бесконечно ожидая наступления ночи.

Листая телефон, увидел акцию на женские платья и так разволновался, что купил одно. Он ещё ни разу не играл в косплей и женские наряды, но тот водитель, кажется, понимающий, наверное, не будет против.

Любопытство и жажда исследований заставили затворника Ша Ли погрузиться в изучение всяческих утех. Он пересмотрел множество поз и аксессуаров, а в конце даже примерил длинный до пояса парик.

Наступила ночь. Душ, подготовка, все возможные гигиенические процедуры выполнены — он лёг на кровать и стал ждать.

Пробило восемь, и ожидание достигло критической точки...

Он ворочался, как блин на сковородке!

Прошло ещё полтора часа. Ша Ли подумал: если завтра ему ещё нужно возить босса, нельзя садиться за руль уставшим, значит, нужно немного позаниматься и спать.

Чтобы во время активных действий им не стало жарко, он установил кондиционер на восемнадцать градусов.

Прошло ещё два часа. Ша Ли пошевелился и резко проснулся, весь в мурашках — температура кондиционера слишком низкая, он замёрз!

Он взял телефон, посмотрел — пропущенных вызовов не было.

Тот опаздывает уже больше, чем немного...

Ша Ли переключил кондиционер на двадцать восемь градусов, укрылся одеялом. Спал он, но всё тело ломило. Клизма, вообще-то, не самое приятное ощущение, но он не хотел, чтобы его считали грязным.

Посреди ночи, часа в три, его разбудил звонок.

Ша Ли, сонный, ответил:

— Алло, господин, вы не собираетесь сейчас пожаловать к своей рабыне? Время, право, поздновато.

На том конце несколько секунд была тишина, затем хриплый голос медленно и низко произнёс:

[Извини, я только что с самолёта.]

Ша Ли потёр волосы и невнятно простонал:

— Если занят, перенесём на другой день, я пока никуда не денусь.

цзинь — китайская мера веса, примерно 0.5 кг.

<http://bllate.org/book/15592/1390148>